

УДК 332.14+316.44

Регион: экономика и социология, 2020, № 3 (107), с. 117–134

З.И. Калугина

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Российское могущество прирастать будет Сибирью...

М.В. Ломоносов

В статье рассматриваются социальные аспекты регионального развития, выявляются его социальные угрозы: бедность населения, архаичная социальная структура населения с высокой долей беднейшего населения, узкой прослойкой среднего класса и мизерной долей богатого населения на фоне высокой концентрации доходов. Отмечаются заметные региональные различия в экономической стратификации населения. Констатируется ухудшение позиций большинства регионов Сибирского федерального округа на шкале уровня жизни, отмечается снижение реальных доходов населения. Делается вывод, что за последние 18 лет существенных положительных сдвигов в структуре технологических укладов в российской экономике не произошло. Модернизация экономики – главный резерв повышения уровня и качества жизни сибиряков.

Ключевые слова: социальные риски; социальные угрозы; экономическая стратификация; неравенство; бедность; технологический уклад; региональное развитие

Для цитирования: *Калугина З.И. Социальные риски развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 117–134. DOI: 10.15372/REG20200305.*

Гениальное предвидение выдающегося русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова воплотилось в жизнь: природные ресурсы и человеческий капитал Сибири во многом определяют уровень развития страны. Сибирский федеральный округ, образованный 13 мая 2000 г., объединяет 12 субъектов Российской Федерации, занимает 25,5% территории России. Население региона на 1 января 2019 г. составило 17 174 тыс. чел., или 11,7% постоянных жителей страны¹. Ключевые проблемы развития человеческого капитала в Сибири были неоднократно в центре внимания международных и отечественных форумов [9; 10]. В данной статье представлены результаты продолжающегося исследования социальных рисков регионального развития. Социальные риски в нашем контексте – это вероятные негативные последствия социальной и экономической политики, представляющие угрозу человеческому развитию.

БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Одной из угроз развитию страны и ее регионов по-прежнему остается бедность населения. Бедность влечет за собой негативные социальные последствия: ухудшение питания семей [11], сужение их материальных возможностей получить квалифицированную медицинскую помощь, дать детям хорошее образование.

Согласно данным Росстата, уровень бедности в стране снизился с 17,8% в 2005 г. до 10,7% в 2012 г., затем снова стал повышаться и достиг 13,2% в 2017 г., что составило 19,4 млн чел. [6, с. 228–229]. В регионах Сибири уровень бедности населения варьировал от 13,9% в Омской области до 40,5% в Республике Тыве. Высоким остается уровень бедности в Республике Алтай – 25,8% и в Забайкальском крае – 21,2% [6, с. 228–229].

По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, россияне считают бедной семью, доход которой на каждого члена составляет менее

¹ 4 ноября 2019 г. подписан указ о передаче Забайкальского края и Республики Бурятии в состав Дальневосточного федерального округа. В этой статье речь пойдет о СФО в его прежних границах.

15 тыс. руб. в месяц. Исходя из этого критерия, к данной категории можно отнести примерно половину населения Республики Алтай и Республики Бурятия и более трети населения остальных регионов Сибири.

Исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС показывают, что своим материальным положением удовлетворена лишь десятая часть россиян. По данным ФОМ, нищими считают себя 28% населения, причем 12% из них зарплаты не хватает даже на продукты питания. Опрос «Левада-Центра» выявил, что у 65% семей нет финансовых сбережений. Согласно исследованию портала Superjob, 29% работников не могут уйти в отпуск и продолжают трудиться весь год из-за нехватки средств².

Анализ показал, что в результате, проводимой социально-экономической политики в стране сформировалась архаичная социальная структура населения с высокой долей беднейшего населения, узкой прослойкой среднего класса и мизерной долей богатого населения. При этом наблюдаются заметные региональные различия в экономической стратификации населения (рис. 1). Экономическая стратификация – это ранжирование или дифференциация основных слоев населения по доходам.

Сложившуюся социальную структуру населения России по доходам нельзя признать прогрессивной. Правительство РФ не предпринимает решительных шагов по уменьшению социального неравенства в обществе и сглаживанию региональных и социальных различий в уровне жизни населения. Ситуация усугубляется тем, что по итогам 2017 г. отмечалось сокращение реальных денежных доходов россиян. В целом по РФ реальные денежные доходы населения по сравнению с предыдущим годом снизились на 1,3%. Однако это меньше, чем за аналогичный период 2016 г., когда падение реальных денежных доходов было на уровне 5,6% [6, с. 184–185].

Несмотря на повышение заработной платы в 2017 г., во всех субъектах Сибирского федерального округа произошло снижение реальных доходов населения, кроме Республики Алтай, где зафиксирован рост реальных денежных доходов на 1,5%. Кроме того, Рес-

² URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/07/30/novaya-statistika-uzhasnula-bednykh-rossiyan-stalo-na-polmillion.html> .

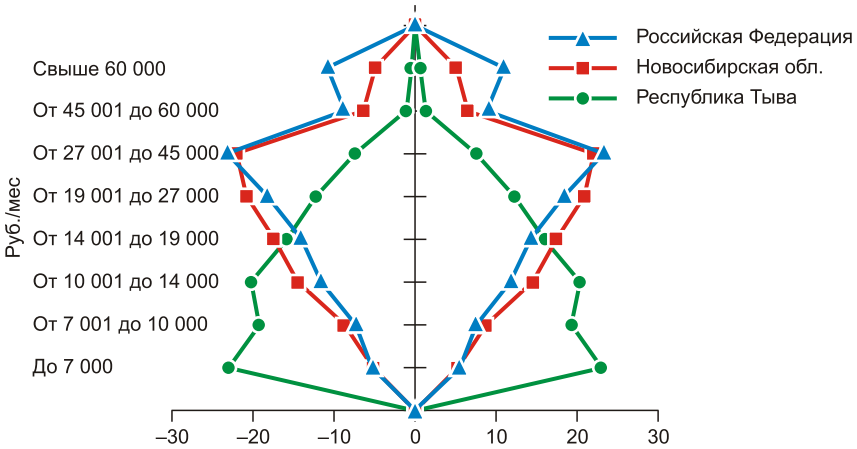

Рис. 1. Профиль экономической стратификации населения Российской Федерации, Новосибирской области и Республики Тывы по доходам в 2017 г.

Источник: [6, с. 222–223]

публика Тыва вошла в число регионов – лидеров по приросту среднемесячной номинальной заработной платы. Тем не менее по итогам 2018 г. Республика Тыва и Республика Алтай по-прежнему замыкают список регионов РФ с самыми низкими социально-экономическими показателями [6, с. 184–185].

Одним из индикаторов, характеризующих реальные денежные доходы населения, является отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. В 2019 г. оно составляло (по мере убывания): в Новосибирской области – 1,55, в Омской области – 1,51, в Красноярском крае – 1,48, в Томской области – 1,45, в Кемеровской области – 1,40, в Иркутской области – 1,36, в Забайкальском крае – 1,32, в Республике Бурятия – 1,31, в Алтайском крае – 1,31, в Республике Хакасии – 1,18, в Республике Алтай – 0,98, в Республике Тыве – 0,88 (табл. 1). По сравнению с 2018 г. в пяти сибирских регионах масштабы бедности населения возросли, а в пяти – остались на прежнем уровне. Незначительное сокращение масштабов бедности зафиксировано только в Омской области и Алтайском крае. Республика Алтай и Республика Тыва входят в число

Таблица 1

Рейтинг регионов Сибирского федерального округа по доходам населения

Регион	Отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	
		2018	2019
Красноярский край	1,48	18,2	18,2
Кемеровская обл.	1,40	10,2	15,0
Новосибирская обл.	1,55	12,8	16,0
Иркутская обл.	1,36	13,7	18,1
Омская обл.	1,51	14,2	13,5
Томская обл.	1,45	15,7	15,7
Алтайский край	1,31	18,1	17,8
Забайкальский край	1,32	21,0	21,0
Республика Бурятия	1,31	17,9	18,0
Республика Хакасия	1,18	18,3	18,3
Республика Алтай	0,98	24,2	24,2
Республика Тыва	0,88	24,6	40,1

Источник: Рейтинг регионов по доходам населения – 2019. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20190708/630129839.html> .

регионов СФО с самым низким отношением медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг.

Низкие доходы населения и высокая стоимость жизни в регионе во многом определяют качество жизни. При составлении рейтинга регионов по качеству жизни (всего в него включено 85 регионов) были отобраны 72 показателя, характеризующие условия проживания и качество жизни населения, а также уровень экономического развития региона. Наилучшие позиции по качеству жизни населения среди сибирских регионов занимает Новосибирская область, а наихудшие – Республика Тыва. В 2018 г. по сравнению с предыдущим годом улучшили свое социально-экономическое положение Кемеровская, Ир-

кутская, Томская области и Республика Хакасия. Сохранили свои позиции на шкале качества жизни Забайкальский край, Республика Алтай и Республика Тыва (табл. 2).

По оценкам экспертов, одна из причин низкого качества жизни в России заключается в том, что не созданы институциональные и экономические предпосылки для расширения доступа к рыночным источникам доходов, а соответственно, и для роста численности среднего класса. Ситуация усугубляется тем, что в стране наблюдается высокая концентрация доходов. По оценкам Credit Suisse, 10% наибо-

Таблица 2

Рейтинг социально-экономического положения регионов Сибирского федерального округа по итогам 2018 г.

Регион	Интегральный рейтинг по итогам 2018 г.	Место в 2018 г.	Место в 2017 г.
Красноярский край	57,034	17	16
Кемеровская обл.	54,055	20	21
Иркутская обл.	49,690	23	24
Новосибирская обл.	49,591	24	23
Омская обл.	45,157	33	31
Томская обл.	38,833	45	47
Алтайский край	38,474	46	45
Республика Хакасия	27,794	65	68
Забайкальский край	27,059	66	66
Республика Бурятия	26,541	69	67
Республика Алтай	13,814	83	83
Республика Тыва	10,210	85	85

Примечание: для сравнения, интегральный рейтинг г. Москвы, занимающей 1-е место, составляет 88,049.

Источник: Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2019. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html> .

лее обеспеченных россиян владеют 89% совокупного благосостояния всех российских домохозяйств. Это существенно выше, чем в других больших экономиках. Для сравнения, в США на долю 10% самых обеспеченных приходится 78% благосостояния страны, в Китае – 73%. Высокая концентрация богатства находит свое отражение в том, что по числу миллиардеров Россия уступает только Китаю и США. В то же время более 70% взрослого населения России относится к менее обеспеченной половине населения мира, при этом четверть россиян – в числе самых бедных 20% человечества³.

В сибирских регионах наблюдаются аналогичные тенденции. Статистика показывает, что во всех субъектах СФО у четвертой 20%-й группы населения с наибольшими доходами сосредоточено более 40% совокупного дохода.

Одним из показателей, характеризующих уровень жизни населения, является соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума. В целом по Сибири свыше 15% населения имеют доходы ниже прожиточного минимума. Республика Тыва, Республика Алтай и Забайкальский край входят в число самых бедных регионов России. Отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму в сибирских регионах варьировало в 2018 г. от 1,41 в Республике Тыве до 2,77 в Омской области (табл. 3).

Необоснованные социальные неравенства порождают напряженность в обществе, приводят к дезинтеграции и противостоянию общественных сил и в конечном счете превращаются в социальную угрозу национальной безопасности. Кроме того, как показано на обширном статистическом материале по странам мира, неравенство (выше критического уровня) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов.

По расчетам академика А.Г. Аганбегяна, 30% россиян живут хуже, чем люди такой категории жили в советское время, а 20% живут намного лучше и тянут среднюю резко вверх. Зарплата 10% малооплачиваемых работников – 12 тыс. руб., а 10% высокооплачиваемых – почти 156 тыс. руб. Причину бедности населения А.Г. Аганбе-

³ См.: *Каблов Е.Н.* Курсом в 6-й технологический уклад. – URL: www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tekhnologicheskii-uklad.

Таблица 3

Соотношение среднедушевых доходов населения регионов Сибирского федерального округа с величиной прожиточного минимума в 2016–2018 гг.

Регион	2016	2017	2018 (предварительные данные)
Республика Алтай	1,87	1,90	2,03
Республика Тыва	1,41	1,45	1,44
Республика Хакасия	2,30	2,28	2,22
Алтайский край	2,42	2,43	2,40
Красноярский край	2,55	2,47	2,45
Иркутская обл.	2,22	2,23	2,19
Кемеровская обл.	2,38	2,37	2,39
Новосибирская обл.	2,44	2,36	2,36
Омская обл.	2,92	2,84	2,77
Томская обл.	2,27	2,38	2,41
Забайкальский край	2,18	2,17	2,17
Республика Бурятия	2,63	2,56	2,41

Источник: www.perepis2006.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#.

гян видит в крайне низкой производительности труда в экономике, в нехватке современных высокопроизводительных рабочих мест. По производительности труда Россия отстает от развитых стран, входящих в ОЭСР, в 2–3 раза. Ключом к росту уровня жизни могут быть только масштабная модернизация экономики, создание высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест. Однако, по мнению А.Г. Аганбегяна, масштабную модернизацию рабочих мест в России в ближайшей перспективе вряд ли можно ожидать [1; 2]. Этот прогноз подтверждается тем, что за последние 18 лет существенных положительных сдвигов в структуре технологических укладов в российской экономике не произошло.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Технологический уклад – это совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства. Термин введен российскими экономистами Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым. Технологический уклад характеризуется единым техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, опирающихся на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технический потенциал и проч. Научный и технико-технологический прогресс влечет за собой переход от технологий низких к более высоким [3, с. 38–62].

Динамика технологических укладов в экономике России в период с 1990 по 2018 г. (рис. 2) свидетельствует о том, что прогрессивных изменений в их структуре не происходит. Россия по-прежнему существенно отстает от США, Японии и КНР. Заметим, что в США доля четвертого технологического уклада составляет 20%, пятого – 60%, шестого – 5%. По мнению академика Е.Н. Каблова, при нынешних темпах технико-экономического развития шестой технологический

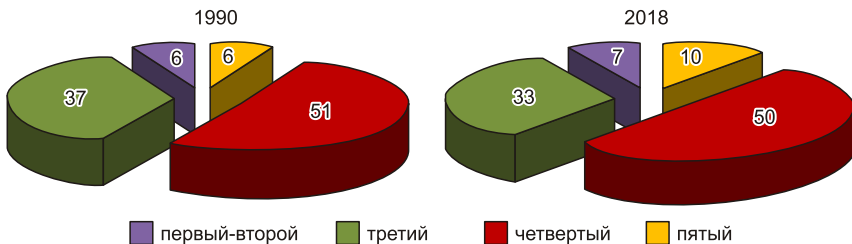

Рис. 2. Доля технологических укладов в российской экономике, %

Источники: www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tehnologicheskii-uklad ; <https://yandex.ru/search/?lr=65&clid=2233626&text=%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8F%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B5%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8>

уклад в России только начал формироваться в 2010–2020 гг., а в фазу зрелости он вступит в 2040 г.⁴

В российской экономике по-прежнему преобладают третий и четвертый технологические уклады (см. рис. 2). Доля пятого, наиболее прогрессивного, технологического уклада не превышает 10% (он сосредоточен в военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли). Пятый технологический уклад опирается на возможности электронной и атомной энергетики, инновации в областях микроэлектроники, информационных технологий, генной инженерии, биотехнологий, приведшие к освоению космического пространства, появлению спутниковой связи и другим достижениям. Переход к шестому технологическому укладу, по мнению специалистов, совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики.

По мнению академика С.Ю. Глазьева, в настоящее время шестой технологический уклад выходит из эмбриональной фазы развития, когда его расширение сдерживалось как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Хотя расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут по экспоненте, общий вес шестого технологического уклада в структуре современной экономики остается незначительным. Качественный скачок произойдет после завершения структурной перестройки ведущих экономик мира и перехода нового технологического уклада к фазе роста, ожидаемых в середине следующего десятилетия. По имеющимся прогнозам Научного фонда США, к 2015 г. годовая оборот рынка нанотехнологий должен был достигнуть 1–1,5 трлн долл.⁵

Об этом С.Ю. Глазьев писал более десятилетия назад, когда еще не было разговоров про «Индустрию 4.0», «Общество 5.0», цифровую

⁴ См.: *Каблов Е.Н.* Курсом в 6-й технологический уклад.

⁵ См.: *Сергей Глазьев*: России необходимо формирование нового технологического уклада. – URL: www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/glazev-rossii-neobkhodimo-formirovanie-novogo-tekhnologicheskogo/.

революцию и на другие новомодные темы, но все обозначаемые этими темами процессы, вспоминает академик, уже были в полном разгаре.

В результате по темпам инновационного развития российская промышленность в 4–6 раз отстает от промышленности ведущих индустриальных стран. Например, в Швейцарии 60,2% компаний используют инновации, в Германии – 58,9%, во Франции – 46,5%, в Великобритании – 45,7%. Даже в странах Центральной и Восточной Европы дела с инновациями обстоят лучше, чем у нас. В Польше, например, ими занимаются 18,6% промышленных предприятий, в Венгрии – 18,8%. Из 33 стран, рассмотренных аналитиками из Высшей школы экономики, лишь в Румынии инновационная активность была ниже российской – 6,4%⁶.

РЕЙТИНГ РЕГИОНОВ ПО КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ

По итогам 2018 г. существенных изменений в распределении регионов в рейтинге социально-экономического положения не произошло.

Неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления у различных социальных групп и негативно сказывается на условиях человеческого развития. Расчеты показали, что энергетическая ценность продуктов питания варьирует от 1993,4 ккал у группы с наименьшими доходами до 2946,5 ккал у группы с наибольшими располагаемыми ресурсами⁷. Обследование, проведенное Росстатом, свидетельствует о том, что лишь каждая вторая российская семья имеет возможность обеспечить полноценное питание. У многодетных и неполных семей, а также у пенсионеров такие возможности ниже⁸.

⁶ URL: <https://news.rambler.ru/scitech/39457868-rossiya-naraschivaet-tehnologicheskoe-otstavanie/>.

⁷ URL: <https://nizhstat.gks.ru/storage/mediabank/Потребление,+пищевая+и+энергетическая+ценность+продуктов+питания+по+20-процентным+группам+населения+в+2017+г.htm>.

⁸ URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2019/5ceb9cf9a79474ebd28be0c>.

В странах с высоким уровнем доходов населения и с благополучной экономической ситуацией расходы на питание относительно других затрат невелики и составляют менее 15% общих семейных расходов. Остальные средства жители этих стран тратят на путешествия, посещение ресторанов, образование, приобретение товаров для дома и проч. Первую позицию в соответствующем рейтинге занимает Люксембург, у его жителей траты на покупку продуктов питания составляют лишь 8,4% расходов. Далее располагаются Нидерланды и Великобритания с 10,6% расходов на питание. Также менее 12% расходов направляют на еду жители Ирландии, Финляндии, Австрии, Норвегии и Швейцарии. В целом, верхнюю часть рейтинга составляют экономически развитые западно-европейские страны⁹.

В России согласно исследованиям Росстата ситуация с питанием ухудшилась в каждой шестой семье. Как уже упоминалось, чаще всего это неполные, многодетные семьи, а также те, что состоят только из пенсионеров. Неполноценное питание отрицательно сказывается на состоянии здоровья населения. По оценке ЮНИСЕФ, несомненной доминантой в формировании нездоровья населения в современных условиях является снижение его социально-экономического благополучия. Исследования, осуществляемые под руководством д.э.н. С.В. Соболевой, подтверждают эти выводы. Тревожным, по мнению С.В. Соболевой и ее коллег, является тот факт, что в России произошло существенное ухудшение состояния здоровья подрастающего поколения, при этом в СФО темпы роста заболеваемости детей и подростков были выше средних по стране [8].

Ухудшение состояния здоровья населения, в свою очередь, отрицательно сказывается на экономическом росте регионов. Результаты, полученные М.А. Каневой на основе данных по 80 регионам России за 2005–2013 гг., свидетельствуют о том, что увеличение государственных затрат на здравоохранение как доли в ВРП на 1 п.п. связано с повышением темпов прироста ВРП на душу на 1,34 п.п. Частные расходы на здравоохранение, динамика и направления которых связаны с потреблением платных медицинских услуг, согласно модели

⁹ URL: <https://riarating.ru/countries/20191217/630146967.html> .

Ареллано – Бонда оказывают отрицательное влияние на экономический рост [5]. Изменить ситуацию может целенаправленная социальная политика.

Одной из важных социальных угроз региональному развитию является низкая продолжительность жизни населения. По этому показателю Россия входит во вторую сотню стран мира и занимает, по данным за 2018 г., 129-е место в мире со средней продолжительностью жизни 66,05 года, в том числе 59,1 года у мужчин и 73,0 года у женщин. При этом наблюдаются негативные тенденции. Среди стран СНГ дольше, чем в России, живут граждане Азербайджана (66,3 года), Казахстана (67,35), Украины (68,1), Туркмении (68,35), Киргизии (68,9), Беларуси (70,2), Армении (72,4), Грузии (76,55)¹⁰.

Среди регионов Сибири, по данным за 2017 г., самые высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни в Томской (72,0 года), Новосибирской (71,6), и Омской (71,56) областях, а также в Алтайском крае (71,1) и Республике Алтай (71,1). Самая низкая продолжительность жизни в Республике Тыве – 66,3 года. В среднем по Сибири ожидаемая продолжительность жизни составляет 70,5 года, а по России – 72,7 года¹¹. Первые пять мест в мире по продолжительности жизни населения занимают Андорра (82,75 года) Япония (82,15), Сан-Марино (82,0), Сингапур (82,0), Франция (81,0)¹².

ОБРАЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Важнейшим фактором регионального развития является образование населения. В развитых странах государство играет значительную роль в решении этой проблемы, компенсируя недостаточные индивидуальные вложения. Так, государственные расходы на образование составляют: в Канаде – 4,4% от ВВП, в США – 4,2, в Великобритании – 4,8, в Швеции – 5,0, в Германии – 3,6, в Италии – 3,3, во

¹⁰ URL: <https://news.rambler.ru/other/37564207-gde-zhivut-dolgozhiteli-top-10-regionov-rossii/> .

¹¹ URL: <http://sibkray.ru/news/2/912522/> .

¹² URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzhitelност-zizni2013.html> .

Франции – 4,7, в России – 3,5, в Японии – 2,9, в Республике Корея – 4,1% [4, с. 18].

В России расходы на образование в 2016 г. составили 3 550,3 млрд руб., или 4,1% от ВВП, при этом государственные расходы – 3 103,1 млрд руб., или 3,6% от ВВП. Расходы за счет внебюджетных источников – 447,2 млрд руб., или 0,5% от ВВП. В 2018 г. на эти нужды было выделено 0,619 трлн руб. (4,3% от ВВП), а на здравоохранение – 2 532,7 млрд руб. (3,5% от ВВП). В 2019 г. в Российской Федерации государственные расходы на образование предусматривались в размере 0,827 трлн руб. [4, с. 27].

Помимо государственных расходов на образование растет объем платных образовательных услуг. По данным Росстата, в 2018 г. общий объем платных услуг населению в России превысил 9,4 трлн руб. Рецессия 2015–2016 гг., сопровождавшаяся сильным сокращением доходов населения и снижением спроса на товары, привела к стагнации сектора платных услуг. Их объем в сопоставимых ценах за 2015 г. уменьшился на 1,1%. В 2016 г. вектор стал положительным (+0,7%), в 2017 г. прирост достиг +1,4%, а по итогам 2018 г. составил +2,5% [7, с. 11].

Расходы на образование по группам населения в 2016–2018 гг. составляли 2–8% от общей суммы расходов на услуги. При этом затраты на образовательные услуги домохозяйств из пятой, наиболее состоятельной, 20%-й группы населения, в денежном выражении превышают среднее значение по выборке, но доля расходов на эти услуги у таких домохозяйств самая низкая, и при этом тенденция ее снижения сохраняется (4,1% в 2016 г. и около 3,4% в 2018 г.).

Самая высокая доля расходов на образовательные услуги в 2018 г. зафиксирована у домохозяйств первого квинтиля (7,5%, прирост составил 0,5 п.п. по отношению к 2016 г.). По мнению экспертов, это изменение может объясняться тем, что бедные слои населения в большей степени тратят деньги на развивающееся в последние годы дошкольное образование, в то время как четвертая группа лидирует по расходам на среднее образование, а пятая – по расходам на высшее образование [7, с. 12].

* * *

Вызовы времени ставят перед Россией революционные задачи, связанные с выбором перспектив модернизации экономики с опорой на знания и накопление человеческого капитала. В современных условиях, как показывает мировой опыт, резко возрастает роль науки, образования, инноваций во всех сферах человеческой деятельности. Большинство социальных доктрин развитых стран ориентированы на уменьшение неравенства и создание равных возможностей для всех. Для современной России такой вектор развития наиболее актуален.

К активизации населения в сфере экономики стремятся многие страны. Предлагаются различные методы и способы активизации человеческого потенциала. Так, в Китае в настоящее время внедряется система социального рейтинга граждан. Люди, положительно проявляющие себя на производстве, в деловых отношениях, в исполнении коммерческих и социальных обязательств, добросовестно ведущие дела и соблюдающие этические нормы, будут автоматически высоко оцениваться, пользоваться поддержкой системы государственного регулирования и продвигаться по карьерной лестнице. Недобросовестные, безнравственные, необязательные и тем более коррумпированные и имеющие преступные наклонности лица, наоборот, будут отлучаться от всех форм государственной поддержки и продвижения. Аналогичная система создается и для юридических лиц¹³.

Время расставит все по своим местам. Практика отбросит все надуманное и нерациональное, а эффективное займет подобающее ему место.

Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту XI.179.1.1 «Социальные аспекты демографической и продовольственной безопасности России и сибирских регионов» № АААА-А17-117022250120-9

¹³ См.: Как работает китайская система рейтинга граждан: преступления и наказания. – URL: <https://habr.com/ru/post/412263/>.

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. – 2017. – № 9. – С. 66–84.
2. Аганбегян А.Г. Что могут сделать регионы для преодоления стагнации и возобновления значимого социально-экономического роста // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 4 (104). – С. 3–23. DOI: 10.15372/REG20190401.
3. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее: Россия в новых технологическом и мировозражданном укладах. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
4. Индикаторы образования: 2018: Стат. сб. / Бондаренко Н.В., Гохберг Л.М., Ковалева Н.В. и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2018.
5. Канева М.А. Влияние капитала здоровья населения на экономический рост регионов РФ // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 1 (101). – С. 47–70.
6. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с.
7. Рынок платных услуг в России // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. – Май 2019. – Вып. 49. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/22334.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности динамики заболеваемости детей и подростков Сибирского федерального округа в контексте российских тенденций // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 3 (99). – С. 97–119.
9. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.
10. Могущество Сибири будет прирастать!?: Мат. междунар. науч. форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов» (Новосибирск, 12–13 октября 2017 г.). – Новосибирск: НГУЭУ, 2017. – 572 с.
11. Как российские семьи оценили свои возможности в обеспечении питания. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/12/13/5df111249a7947e63c4acf96> (дата обращения: 11.02.2019).

Информация об авторе

Калугина Земфира Ивановна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, главный научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: zima@ieie.nsc.ru).

DOI: 10.15372/REG20200305

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 3 (107), p. 117–134

Z.I. Kalugina

SOCIAL RISKS OF SIBERIAN DEVELOPMENT

Russia's might will grow with Siberia...

M.V. Lomonosov

The article examines the social aspects of regional development, identifies its social threats: poverty, an archaic social framework with a large share of extremely poor households, small middle class, and a minuscule percentage of the rich against highly concentrated wages. We notice significant disparities in economic stratification among regions. In most entities of the Siberian Federal District, living standards are going down, and real household incomes have decreased. It is concluded that the past eighteen years have seen no substantial positive changes in the structure of the technological paradigm of the Russian economy. Economic modernization is the main reserve for improving Siberians' living standards and quality of life.

Keywords: social risks; social threats; economic stratification; inequality; poverty; technological paradigm; regional development

For citation: *Kalugina, Z.I.* (2020). Sotsialnye riski razvitiya Sibiri [Social risks of Siberian development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 117–134. DOI: 10.15372/REG20200305.

The publication is prepared within the government order under the project XI.179.1.1 "Social aspects of demographic and food security in Russia and the Siberian regions" No. AAAA-A17-117022250120-9

References

1. *Aganbegyan, A.G.* (2017). Preodolenie bednosti i sokrashchenie neravenstva po dokhodam i potrebleniyu v Rossii [Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia]. *EKO* [ECO], 9, 66–84.
2. *Aganbegyan, A.G.* (2019). Chto mogu sdelat regiony dlya preodoleniya stagnatsii i vozobnovleniya znachimogo sotsialno-ekonomicheskogo rosta [What the regions can do to overcome stagnation and rekindle prominent social and economic growth]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (104), 3–23. DOI: 10.15372/REG20190401.

3. *Glazyev, S.Yu.* (2018). Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennom ukladakh [A Breakthrough in the Future. Russia in the New Technological and World Economy Processes]. Moscow, Knizhnyy Mir Publ., 768.
4. *Bondarenko, N.V., L.M. Gokhberg, N.V. Kovaleva et al.* (2018). Indikatory obrazovaniya: 2018 [Education Indicators: 2018]. Stat. digest. Moscow, NRU HSE Publ.
5. *Kaneva, M.A.* (2019). Vliyanie kapitala zdorovyya naseleniya na ekonomicheskyy rost regionov RF [Effect of health capital on the economic growth in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (101), 47–70.
6. *Regiony Rossii: Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb.* [Regions of Russia: Socio-economic indicators. 2018: Stat. digest]. (2018). Moscow, Rosstat, 1162.
7. *Rynok platnykh uslug v Rossii* [Paid services market in Russia]. (2019). Byulleten o tekushchikh tendentsiyakh rossiyskoy ekonomiki [Bulletin on Current Trends in the Russian Economy], May, Iss. 49. Available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/22334.pdf> (date of access: 20.04.2020).
8. *Soboleva, S.V., N.E. Smirnova & O.V. Chudaeva.* (2018). Osobennosti dinamiki zabolevaemosti detey i podrostkov Sibirskogo federalnogo okruga v kontekste rossiyskikh tendentsiy [Features of the child and adolescent morbidity dynamics of the siberian federal district in the context of Russian trends]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (99), 97–119.
9. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (2014). Perspektivy i riski razvitiya chelovecheskogo potentsiala v Sibiri [Prospects and Risks of Human Resource Development in Siberia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 367.
10. *Mogushchestvo Sibiri budet prirastat!?* Mat. mezhdunar. nauch. foruma “Obrazovanie i predprinimatelstvo v Sibiri: napravleniya vzaimodeystviya i razvitie regionov” (Novosibirsk. 12–13 oktyabrya 2017 g.) [Can the power of Siberia increase!? Proceedings of the International Scientific Forum “Education and Entrepreneurship in Siberia: Directions of Interaction and Development of Regions” (Novosibirsk. October 12–13, 2017)]. (2017). Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., 572.
11. *Kak rossiyskie semyi otsenili svoi vozmozhnosti v obespechenii pitaniya* [How families of Russia evaluate their food supply capabilities]. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/12/13/5df111249a7947e63c4acf96> (date of access: 11.02.2019).

Information about the author

Kalugina, Zemfira Ivanovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: zima@ieie.nsc.ru).

Поступила в редколлегию 30.01.2020.

После доработки 10.03.2020.

Принята к публикации 11.03.2020.

© Калугина З.И., 2020